

В конце 1879 г., получив назначение на должность помощника редактора газеты «Варшавский дневник», Леонтьев отбыл в Варшаву, и в январе 1880 г. заявил о себе резко изменившимся направлением газеты, что тотчас же было замечено Ф. М. Достоевским. 21 января 1880 г. Достоевский пишет В. Ф. Пуцыковичу: «Только что сейчас развернул „Варшавский Дневник“ (который мне высылают) и прочел статью от 17-го Января, в которой редакция стоит за истязание детей. Осмеивают идею об обществе покровительства детям... Князь Голицын, кажется, человек порядочный и хочет добра. Кто же это у него пишет?» [2, т. IV, с. 129].

Сын одного из редакторов «Русского вестника», Д. Н. Любимов, рассказывает в своих мемуарах: «До этого (Пушкинского праздника. — Н. Р.) я видел Достоевского зимою 1880 г. Он приезжал из Петербурга и у нас обедал, с Достоевским обедали: Б. М. Маркевич — тоже из Петербурга, автор светских романов... П. И. Мельников (Андрей Печерский), М. Н. Катков, К. Н. Леонтьев и кто-то из профессоров. За обедом Достоевский говорил мало и неохотно» [3, с. 370—371].

Наконец, показания самого К. Н. Леонтьева. Объясняя В. В. Розанову причину враждебной записи о себе, опубликованной в посмертном издании сочинений Достоевского (1883 г.), К. Н. Леонтьев писал: «„Ненависти“ собственно у Д-го ко мне не было; напротив того, он при последней встрече нашей в Петербурге (в 80-м году, всего за месяц до речи) был особенно любезен, ибо весьма сочувствовал моим передовым статьям в „Варш^{авском} Дн^{евнике}“. Но, когда я, живя тогда в калужской своей деревне, прочел эту речь о „гармонии“, то ужасно удивился и огорчился; я считал его настоящим православным, а настоящее православие даже права... не имеет ждать „всепримирения“, „всепрощения“, „вселюбви“ и вообще моральной гармонии (здесь), а может допускать только временные улучшения и ухудшения. (Теперь, в 80-х годах, улучшается). Огорчившись, я написал статью об его речи, а он, воображая..., что его речь великое „событие“, ужасно на меня рассердился и написал свою заметку» [4, № 25, с. 175—176].

Итак, ясно, что Достоевский и Леонтьев были знакомы, неоднократно встречались, беседовали. У Достоевского возникло желание разыскать Леонтьева в период работы над последним романом. Когда происходило свидание, описанное в «Новом времени», трудно определить, но последняя встреча была за месяц до пушкинской речи Достоевского.

* * *

Запись Достоевского о Леонтьеве, опубликованная издателями его сочинений Н. Н. Страховым и А. Г. Достоевской, делится на две части. Первая представляет короткое резюме леонтьевского мировоззрения, вторая — реакцию писателя на леонтьевские критики. Напомним первую часть, хронологически более раннюю, появившуюся до пушкинской речи: «Леонтьеву (не стоит добра желать миру, ибо сказано, что он погибнет).

В этой идее есть нечто безрассудное и нечестивое, сверх того, чрезвычайно удобная идея для домашнего обихода: уж коль все обречены, так чего же стараться, чего любить добро делать. Живи в свое пузо. (Живи впредь спокойно в одно свое пузо)» [5, с. 369].

На литературном утре 30 декабря 1879 г. перед чтением главы «Поэма о великом инквизиторе» Достоевский обратился к аудитории с кратким вступительным словом: «Великий инквизитор есть, в сущности, сам атеист. Смысл тот, что если исказить Христову веру, соединив ее с целями мира сего, то разом утратится весь смысл христианства, ум несомненно должен впасть в безверие... Высокий взгляд христианства на чело-